

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

С.-Петербургъ, ул. Гоголя (бывшая М. Морская), № 22.

Въ Мелиховѣ.

(Страничка изъ жизни Антона Павловича Чехова).

Александра Чехова (А. Сѣдого).

Гости.—Усадьба.—Прудъ.—Караси.—Мать.—Отецъ.—Флиель для гостей.—Зеркальные хресны.—Садъ и огородъ.—Сестра М. П.—Пожаръ.—Переездъ въ Ялту.

Когда Антонъ Павловичъ еще во времена студенчества жилъ въ Москвѣ на Садовой, въ домѣ Карифѣва, у него не было отбой отъ гостей. Рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы у него не перебивало нѣсколько человекъ—зачастую людей праздныхъ и ни на что ему не нужныхъ. Были даже такіе господа и госпожи, которые приходили и прѣзжали только потому, что имъ дома дѣлать было нечего и они не знали, какъ убить время. И являлись они какъ разъ въ то время, когда покойный писатель думалъ и писалъ, т.-е. въ самое дорогое для него время. И каждый или каждая считали долгомъ войти къ нему въ кабинетъ, сѣсть сбоку письменнаго стола и задать какой-нибудь нелпный вопросъ въ родѣ: — Какого вы мнѣнія, Антонъ Павловичъ, о физическомъ трудѣ?

Антонъ Павловичъ отвѣчалъ въжливю и ласково, но, выйдя въ другую комнату, чуть не съ отчаяніемъ произносилъ:

Они отнимаютъ у меня пятаки!

А въ то время вопросъ о пятачковой построчной платѣ былъ для него вопросомъ поистинѣ шкурнымъ: онъ оплачивалъ квартиру, содержалъ всю семью и, кромѣ того, долженъ былъ еще зарабатывать на то, чтобы имѣть приличный столъ, такъ какъ за обѣдомъ, за ужиномъ и за чаемъ всегда былъ кто-нибудь посторонній, да и не одинъ, а иногда по два и по три человѣка. Надо сказать правду, надобно Антону Павловичу и мы, братья; но мы, какъ родные, въ счетъ не шли и надобными бесѣдами пятаковъ у него не отнимали.

Хозяйствомъ управляли мать наша, Евгения Яковлевна, и отчасти сестра—Марія Павловна. Въ домѣ царили радушіе и хлѣбосольство, и никто изъ гостей не зналъ, какъ тяжело достаются Антону Павловичу его пятаки, и какъ вообще не легко живется ему на свѣтѣ.

Понятно послѣ этого, почему Антонъ Павловичъ, еще будучи студентомъ, мечталъ о деревенской тишинѣ гдѣ-нибудь въ глухомъ углу, подальше отъ праздныхъ гостей и отъ московской суето-локи. У него не разъ изъ глубины души вырвалась фраза:

— Какъ бы мнѣ хотѣлось сдѣлаться на короткое время начальникомъ какого-нибудь полустанка въ степи!..

Когда онъ окончилъ курсъ въ университетѣ, судьба, повидному, вняла его желанію и помогла ему сдѣлаться владѣльцемъ небольшой помѣщичьей усадьбы Мелихова при неогатомъ селѣ того же имени.

— Наконецъ-то я уйду отъ гостей,—говорилъ онъ, совершая покупку, и радовался.

Но онъ, какъ увидимъ дальше, радовался преждевременно.

Паломники, совершавшіе набѣги на Мелихово, помнятъ путь туда прекрасно. Нужно было сѣсть на Московско-Курское вокзалѣ въ курскій поѣздъ и сдѣлать восемьдесятъ верстъ до ст. Лопасня, гдѣ за буфетомъ засѣдала дебелая и весьма солидная по возрасту французженка; но она представляла собою въ этой глуши что-то такое цивилизованное и какой-то такой сколочекъ Европы, что почти все паломники-мужчины, ѣхавшіе къ Антону Павловичу, считали своей обязанностью выпить у нея по рюмочкѣ финь-шампани, при чемъ она тономъ отставной французской актрисы какъ-то особенно граціозно произносила:

— Du cognac, monsieur? A l'instant, monsieur! Voilà le citron!.. Merci, monsieur!..

Я во время своихъ поѣздокъ къ брату въ Мелихово почти всегда дѣлалъ честь ея финь-шампани для того только, чтобы поболтать по-французски и полюбоваться ея маверами. По тѣмъ же побужденіямъ и паломники лили у нея коньякъ. Антонъ Павловичъ трюнилъ надо мною, называлъ меня археологомъ и, какъ мѣстный абригенъ, увѣрялъ меня, что сердце дебелой французженки занято, и что для меня въ немъ мѣста уже не найдется даже и въ томъ случаѣ, если бы я выпилъ и сѣлъ весь ея буфетъ. Точно такъ же и въ той же юмористической формѣ предостерегала онъ и другихъ своихъ гостей, относившихся болѣе или менѣе благоклонно къ французскому напитку. Злые языки, впрочемъ, говорили, будто бы и самъ Антонъ Павловичъ былъ однажды изловленъ кѣмъ-то съ рюмкою въ рукѣ у буфета въ Лопаснѣ.

Десятиверстная дорога отъ станціи въ Мелихово была проселочная, ужасная, а во время ненастья—прямо-таки убійственная. Полуглинистая, получерноземная грязь толстымъ и тяжелымъ слоемъ облѣпала колеса; а въ одномъ мѣстѣ послѣ хорошихъ дождей приходилось ѣхать добрыя полверсты прямо по водѣ, буквально доходящей лошадажъ по брюхо. Словомъ, дорога настоящая, російская. Пока, бывало, добѣшь въ такую распутицу отъ Мелихова до Лопасни—разломить всю спину. Случалось, что въ такую погоду какихъ-нибудь десять верстъ приходилось плестись два съ половиною, а иногда и три часа. А Антону Павловичу приходилось ѣздить довольно часто. Но его это неудобство не очень стѣсняло: онъ жилъ надеждою, уповавъ на то, что со временемъ будетъ проложено шоссе.

— Нужно только постоянно твердить въ земствѣ о шоссе—и

черезъ три года здѣсь будетъ непременно шоссе,—говорилъ онъ неоднократно и вѣрилъ въ то, что говорилъ.—Тогда и собакамъ легче будетъ ходить,—добавлялъ онъ, улыбаясь.

Дѣло въ томъ, что все провинціи и напитки добывались изъ Москвы и изъ Лопасни, и посылать за ними на станцію приходилось чуть ли не каждый день. У брата во дворѣ жили три черныя дворовыя собаки (кажется, доставшіяся новому владѣльцу вмѣстѣ съ имѣніемъ), и между ними средняго роста песь— „Вѣлолобый“. Последняго брата обезсмертилъ въ своемъ коротенькомъ разсказѣ: „Вѣлолобый“. Все эти три собаки считали почему-то своей непремѣнной обязанностью, невзирая ни на погоду ни на состояніе дороги, слѣдовать за экипажемъ на станцію и обратно. Что побуждало ихъ дѣлать по двадцати верстъ въ оба конца—такъ и осталось неразгаданнымъ для брата. Но возвращались онъ иной разъ до такой степени густо покрытыя грязью, мокрая, иззябшія и утомленные, что оставалось только руками разводить и дивиться собачьему самоотверженію и самопожертвованію безъ малѣйшей надобности.

Переселившись въ Мелихово, братъ ожилъ и весь окупился въ природу и въ сельскую жизнь. У него былъ лѣсъ, были поля, былъ огородъ и былъ залученный садъ, были лошади, земледѣльческія орудія и коровы. Было, надѣясь, развернуться и поработать послѣдушнаго города. Онъ сталъ пахать, сѣять, сажать и выращивать. Въ первое время ему стали помогать ревностно по хозяйству братъ, Михаилъ Павловичъ, и особенно сестра, Марія Павловна. Михаилъ Павловичъ взялъ на себя полевое хозяйство и разбѣзжалъ по полямъ въ высокихъ сапогахъ верхомъ не хуже любого управляющаго, а Марія Павловна занялась огородомъ и съ перваго же года поставила его въ блестящее состояніе. У нея помимо обычныхъ рыночныхъ овощей вырѣвывали дыни, арбузы, томаты, нѣжная столовая кукуруза, артишоки и спаржа. А. П. въ свонхъ письмахъ ко мнѣ (да, вѣроятно, и другимъ) подписывался помѣщикомъ, умышленно коверкая это слово въ „помѣсичь“. Тогдашнія письма его дышали довольствомъ и жизнерадостностью. Онъ усиленно звалъ меня къ себѣ, и когда я въ первый разъ прѣзжалъ къ нему изъ Петербурга, то нашелъ такую идиллію, что и самъ тутъ же воспылалъ и заразился желаніемъ приобрести клочокъ земли.

Мой прѣздъ былъ встрѣченъ чисто по-деревенски: первымъ дѣломъ при вѣздѣ во дворъ бричку окружили съ громкимъ лаемъ три черныя, лохматыхъ дворовыхъ пса, затѣмъ изъ стоявшаго въ сторонѣ флигелька—людской вышла дѣвчонка-прислуга, поглядѣла на меня, приложивъ ладонь ко лбу, и равнодушно ушла; потомъ изъ того же флигелька вышелъ работникъ Романъ и крикнулъ на собакъ:

— Пошли понъ, подлая!

И ужъ послѣ всего на крыльцѣ дома показалась мать наша, Евгения Яковлевна, и остановилась на порогѣ.

— А, это ты, Саша!—обрадовалась она мнѣ. А ужъ я испугалась: думала, что кто-нибудь изъ гостей. Бѣдному Антошѣ и тутъ отъ нихъ покоя нѣтъ.

По заведенному съ дѣтства обычаю, я поцѣловалъ ей руку и затѣмъ поцѣловался съ нею.

— Какъ отъ тебя, Саша, вонъ пахнетъ,—съ легкой укоризной произнесла мать.

— Это я въ Лопаснѣ у французженки рюмочку финь-шампани выпилъ. Мнѣ еще въ Москвѣ говорили, что безъ этого нельзя попасть въ Мелихово,—отвѣтилъ я.

— И охота же тебѣ!.. И что это за французженка такая? Хотъ бы разъ на нее взглянуть!.. Иди, Антоша въ кабинетъ.

— Сестра гдѣ?

— Гдѣ-нибудь въ огородѣ копаются. Она тамъ цѣлые дни проводить. И не оторвешь ея!.. Тебѣ чаю или кофе? У насъ, въ Петербургѣ, все больше кофе пьютъ.

— Чего-нибудь, мама. Все равно.

— Скоро обѣдать будемъ. Антоша завелъ здѣсь деревенскіе порядки: встаемъ рано, чай пьемъ въ восемь и обѣдаемъ въ двѣнадцать. Иди къ нему.

Антонъ Павловича я засталъ въ его кабинетѣ за письменнымъ столомъ у большого тройной ширины окна, изъ котораго была видна расчищенная дорожка, по бокамъ усаженная кукурузой и другими декоративными растениями. Видъ былъ довольно веселенькій. Одна изъ стѣнъ кабинета отъ потолка до пола была уставлена книгами на черныхъ полкахъ. Братъ обрадовался мнѣ и тотчасъ же повелъ показывать свои владѣнія. Домъ, службы, дворъ, садъ и огородъ были сгруппированы въ одномъ мѣстѣ, за одной оградой. Все было близко, подъ рукою. Поля, сѣнокосъ и лѣсъ, называвшіяся „Сазонихой“, были уже за чертою усадьбы, и дорога изъ Лопасни въ имѣніе бѣжала нѣкоторое время по полямъ брата.

Садъ былъ залученъ, и это придавало ему особенную прелесть. Онъ весь поросъ высокою, густою травой, и въ немъ особенно красиво и даже въ своемъ родѣ величественно (по сравненію съ молодякомъ) было старое, развѣстое, съ дулистымъ стволонъ, почти въ два обхвата, дерево, прозванное на библейскій ладъ дубомъ „Мамврийскимъ“. На одной изъ толстыхъ боковыхъ вѣтвей

его братъ Михаилъ Павловичъ прикрѣпилъ ящикъ-скворечникъ съ нѣсколькими отдѣленіями. Надъ рядомъ отверстій на скворечникѣ была надпись: „Питейный домъ братьевъ Скворцовыхъ“. Такихъ скворечниковъ по саду было разбросано много. Антонъ Павловичъ очень чутко относился къ приходу весны, жизнерадостно слѣдилъ за таяніемъ снѣга, за разбуханіемъ почки и за прилетомъ птицъ. Особенно любилъ онъ скворцовъ и въ своихъ письмахъ ко мнѣ сообщалъ: „У насъ уже прилетѣли скворцы, начали вить гнѣзда и поютъ. А у васъ на свѣрбѣ? Не прилетали еще?“

Я пріѣхалъ въ концѣ весны и въ началѣ лѣта, когда подмосковная природа была, что называется, въ полной силѣ и въ полномъ расцвѣтѣ. Въ бордюрахъ, окаймлявшихъ домъ со стороны сада, цвѣли нарцисы и розы.

— Розы я изъ Риги выписалъ, нарцисы самъ садилъ,—показывать мнѣ А. П., ощущая прелесть быть помѣщикомъ.—А теперь пойдемъ, я тебѣ покажу двѣ лиственницы. Я ихъ тоже выписалъ и посадилъ. Ничего, принялись. Осенью я выищу и посажу штамбовый крыжовникъ. Говорятъ, это—что-то особенное.

По пути онъ часто наклонялся и подбиралъ съ дорожки упавшія съ деревьевъ сухіе сучья и вѣточки и не швырялъ ихъ куда-нибудь подальше, а складывалъ кучечками у края дорожки. Потому я узналъ, что онъ собираетъ этотъ хворостъ, связываетъ мочалкою въ пучки и складываетъ въ особомъ мѣстѣ. Это онъ собиралъ на зиму растопки для печей. Ну, прямо настоящій хозяинъ, который дышитъ и живетъ любовью къ своей маленькой усадьбѣ, къ ся уюту и къ окружающей ее деревенской природѣ. Правда, за все это удовольствіе приходилось прилачивать, потому что Мелихоню не приносило никакого дохода, но зато пріятное сознание, что есть свой уголокъ, искувало все и благотворно дѣйствовало на нервы. Тутъ главную роль играли самогонки; а это—самое главное. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ А. П., выходя изъ дома въ садъ или въ поле, надѣвалъ пчъ сухую по году высокіе сапоги—опять-таки въ силу общепринятаго мифа, будто бы въ городскихъ сапогахъ по полю и по травѣ ходить нельзя: въ деревнѣ непременно нужны большіе сапоги...

Дойдя до огорода, мы застали тамъ сестру—Марію Павловну. Она усердно копалась въ грядкахъ въ простенькомъ ситцевомъ платьѣ и въ платочкѣ на головѣ. Издали ее можно было принять за деревенскую бабу-огородницу.

— Саша-Герентина!—обрадовалась мнѣ сестра.—Руки не подавай,—въ землѣ. Цѣлуй такъ. Видишь, какъ мы тутъ хозяйничаемъ! Пойдемъ, я тебѣ огородъ покажу. Какіе у меня огурцы растутъ!..

Началось вожденіе горожанина по огороду и показываніе то того, то другого. Всякое растеніе, даже простое, въ родѣ зеленыхъ бобовъ или гороха, было не простое, а какое-то особенное, одухотворенное, имѣвшее свою исторію, свой циклъ развитія, свое значеніе въ хозяйствѣ и свое родственное отношеніе къ посадившей и взлелѣвавшей его сестрѣ, Маріи Павловнѣ. Казалось, вырвите у нея изъ гряды какой-нибудь бобъ, на которомъ вырастаетъ всего четыре или пять строчьевъ, и вы ее пичѣмъ не угнѣшите, даже цѣлымъ возомъ купленныхъ на рынкѣ строчьевъ, потому что они покупные, а не свои.

Я самъ впоследствии испыталъ и теперь испытываю иногда это ощущеніе. Иное огородное растеніе — какой-нибудь кочанъ капусты или артишокъ—на рынкѣ стоитъ грошъ. Но, разъ выведишь его у себя на огородѣ самъ, ухаживаешь за нимъ и съ любовью выращиваешь его—онъ становится дорогимъ для тебя. Когда оно созрѣетъ, и его подадутъ въ готовомъ видѣ на столъ, то ѣшь его съ удвоеннымъ удовольствіемъ. На рынкѣ оно стоитъ гривенникъ, а тебѣ обшлось въ шесть гривенъ, но зато это—не покупное, а свое... Это — богатѣйшее чувство, и не всякому дается испытывать его.

Пока шло обзорнѣе огорода, Антонъ Павловичъ отошелъ въ сторону, углубился въ траву и сталъ рвать что-то такое, тщательно выбирая. Скоро онъ вернулся съ цѣлымъ пучкомъ травы, которую тутъ же и разбросалъ по дорожкѣ на солнышкѣ.

— Что это?—спросилъ я.

— Это—клеверъ. Тутъ онъ высохнетъ на солнцѣ. У телушки отъ зеленой травы пищевареніе испортится.

И тутъ проглядываетъ хозяйинъ!..

До обѣда оставалось еще три четверти часа.

— Пойдемъ, если хочешь, на прудъ карасей ловить,—предложилъ братъ.— У меня и караси есть!—прибавилъ онъ съ гордостью.

Громкое названіе „прудъ“ относилось къ небольшой четырехугольной ямкѣ, выкопанной подѣтѣ самаго дома—сажени четыре въ длину и не болѣе двухъ съ половиною въ ширину. Удочки лежали тутъ же на берегу.

„Въ деревнѣ никто не украдетъ, это тебѣ не городъ“,—свѣтилось въ глазахъ брата.

Сѣли на бережку и закинули удочки. А. П. вооружился золотымъ весизѣ и сталъ внимательно слѣдить за поплавкомъ. Заговорили о знакомыхъ, одомашнихъ и семейныхъ обстоятельствахъ, о Москвѣ и Петербургѣ. Вдругъ братъ прервалъ разговоръ на полусловѣ и съ торжествомъ вытащилъ карася величинаю въ мѣдный пятакъ.

Отпусти его обратно въ воду, такую молодъ не стоитъ таскать, сказалъ я.

— Это не молодой карася, а старый. Можеть-быть, даже старше

насъ съ тобою,—отвѣтилъ братъ.—Въ этомъ пруду были когда-то караси настояціе, но теперь они давно уже выродились въ эту мелочь... Погоди, братъ, я мечтаю за усадьбою большой прудъ со временемъ выкопать,—тамъ у меня будутъ караси!.. А въ этомъ пруду все-таки достаточно воды. Весною я боялся, что воды совсѣмъ не будетъ, и мы съ братомъ Мишей сгребали со двора снѣгъ и сюда возили... Однако и безъ нашей помощи натекло и набралось...

Во время дождей прудикъ этотъ пополнялся, и пополнялся очень оригинальнымъ способомъ, примѣненнымъ еще прежнимъ владельцемъ. У восточной трубы, по которой стекала дождевая вода съ крыши дома, была вкопана въ землю небольшая бочка безъ верхняго дна. Отъ втулки этой бочки была проведена въ прудъ желѣзная труба. Само собою разумѣется, что притокъ воды черезъ этотъ оригинальный водопроводъ былъ каплей въ морѣ, но — блаженъ, кто вѣруетъ, тепло тому на свѣтѣ.

До обѣда мы оба усѣли вытаскивать и обратно отпустить въ воду по парѣ карасиковъ-лягушатовъ. За это время и я усѣлъ по невѣдѣнію совершить большое прегрѣшеніе. Я курилъ и окурки папирсы бросилъ въ воду.

— Не бросай въ воду окурковъ,—сказалъ мнѣ серьезно А. П.— Да вѣдь на поверхности пруда и безъ того плаваетъ много дряни,—замѣтилъ я.

— Окурки отравляютъ воду никотиномъ и могутъ отравить рыбу. Въ этомъ замѣчаніи казался одновременно и медикъ и владелецъ въ свое мѣстѣе хозяйинъ.

Къ самому обѣду, когда почти уже сядились за столъ, подѣхало изъ Москвы двое неинтересныхъ и скучныхъ гостей. Когда о нихъ доложила босогоная дѣвица-горничная, Антонъ Павловичъ сдѣлалъ недовольную гримасу, а мать жалующимся голосомъ проговорила:

— Господи Боже мой! А у меня, какъ нарочно, ничего лишняго къ обѣду не приготовлено... Чѣмъ я ихъ кормить буду? И чего ихъ сюда носить, прости Господи! Нигдѣ отъ этихъ гостей покоя не найдешь... Аюта, неси еще два прибора.

Гости вошли развязно и сразу заговорили такимъ тономъ, какъ будто бы сдѣлали брату огромное одолженіе тѣмъ, что пріѣхали. За обѣдомъ шло очень много водки, ѣли съ аппетитомъ и разсказывали самыя неинтересныя вещи. Братъ былъ съ ними любезенъ и не показывалъ вида, что они ему неприятны. Вставая изъ-за стола, оба гостя въ одинъ голосъ заявили:

— Какъ хотите, Антонъ Павловичъ, а мы у васъ переночуемъ. Мы пріѣхали къ вамъ отдохнуть... Не прогоните?

Братъ отвѣтилъ такъ, какъ обыкновенно отвѣчаютъ въ такихъ случаяхъ, т.-е. пробормоталъ что-то невнятное, ушелъ въ свою маленькую спаленку и заперся тамъ на ключъ, что онъ дѣлалъ каждое послѣ обѣда, а пріѣзжіе пошли въ садъ курить и наслаждаться природой, предварительно спросивъ отца:

— Снѣно у васъ есть гдѣ-нибудь, Павелъ Егоровичъ? Въ деревнѣ, знаете ли, пріятно поваляться на свѣжемъ снѣгѣ... Что? Снѣнокость еще не наступала? Жалко, очень жалко...

— Мать Пресвятая Богородица!—взмолилась мать:— на чемъ и гдѣ я ихъ спать положу? Вѣдь не спросятъ же, есть ли подушки и одеяла, а прямо говорятъ, что останутся ночевать... И хоть бы ужъ друзья какіе-нибудь или близкіе, а то я знаю навѣрное, что Антошѣ они не нравятся... По глазамъ его вижу...

— Такихъ гостей — за хвостъ, да палкою, — проговорилъ недовольнымъ тономъ отецъ нашъ.

Отецъ занималъ въ домѣ положеніе, которое однимъ словомъ опредѣлить трудно... Онъ ухитрился устроить такъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ на него нельзя было смотрѣть со стороны безъ улыбки. Онъ пользовался полнымъ почетомъ. За столомъ онъ занималъ почетное мѣсто противъ Антона. Оба они помѣщались по краямъ, а въ промежуткахъ между ними размѣщались домашицы и гости. Первый, лучший кусокъ попадалъ на тарелку къ нему. Мѣтнія его, каковы бы они ни были, выслушивались съ уваженіемъ. Если ему приходило въ голову начать бѣсъ „для здоровья“ въ скоромные дни постное—мать безпрекословно исполняла его желаніе. Водку за обѣдомъ и ужинкомъ онъ пилъ изъ своего графинчика въ видѣ настоя изъ какихъ-то загадочныхъ травъ. Комната у него была отдѣльная и уютная, и въ ней пахло ладаномъ. На столѣ у него лежала большая тетрадь—дневникъ съ короткими ежедневными записями: „Иванъ Петровичъ пріѣхалъ въ гости“, „Иванъ Петровичъ переночевалъ и уѣхалъ“, „Посылали на станцію“, „Антонъ уѣхалъ въ Москву“... „Безъ него пріѣзжалъ въ гости Федоръ Стенаничъ съ женою“ и т. п. въ этомъ же родѣ. Заботъ у него не было никакихъ.

Казалось бы, при такихъ условіяхъ старикъ долженъ былъ быть здоровымъ. Но на дѣлѣ вышло не совсѣмъ такъ. Его душу тревожило недоразумѣніе: имѣніе принадлежало Антону Павловичу, слѣдовательно—хозяиномъ, распорядителемъ и вершителемъ судьбы является онъ, Антонъ Павловичъ. Но вѣдь Павелъ Егоровичъ старше Антона Павловича: онъ его отецъ; стало-быть, и онъ, Павелъ Егоровичъ, въ силу своего родительскаго старшинства, имѣетъ еще большее право распоряжаться и отдавать приказанія въ имѣніи сына. Его вѣдъ должны слушаться, какъ самаго старшаго въ домѣ. Если онъ не будетъ такъ или иначе проявлять своей власти, то его не станутъ уважать ни прислуга ни мужики.

Отсюда недчасъ выходили пренеприятныя для постороннихъ, но очень досадныя для Антона Павловича недоразумѣнія. При мнѣ,

напримѣръ, случилась такая исторія. Отецъ для удовольствія и отъ нечего дѣлать посыпалъ площадку передъ домомъ желтымъ пескомъ и любовался дѣломъ рукъ своихъ. Ранымъ-рано поутру собралось къ Ан. П., какъ къ врачу, нѣсколько человѣкъ больныхъ мужиковъ и бабъ. Братъ никогда не отказывалъ имъ въ помощи. Пациенты это знали и шло къ доктору смѣло. Но на этотъ разъ имъ не повезло. По простотѣ душевной они сблизь въ кучу какъ разъ на площадкѣ, такъ любовно и старательно усыпанной пескомъ. Отецъ увидѣлъ, разсердился и безъ церемоній прогналъ ихъ, объявивъ, что сегодня приема не будетъ.

— Своими саложищами весь песокъ распаркали и растоптали! Пошли вонъ отсюда!..

Брату, когда онъ проснулся и узналъ объ этомъ происшествіи, подобное внимательство въ его врачебныя дѣла, конечно, не понравилось, и онъ за обѣдомъ серьезно попросилъ отца впрядъ этого не дѣлать.

— Хорошо, Антоша, я больше не буду, — покорно извинился отецъ.

Но жажда власти и хозяйничанья не покидали старика и не давали ему покоя. Добродушный и въ старости очень добрый, онъ никакъ не могъ переварить мысли, что онъ не имѣетъ права распоряжаться полною властью въ имѣніи своего сына, которому онъ далъ жизнь и надъ которымъ, слѣдовательно, имѣетъ всѣ права. Къ тому же онъ былъ твердо убѣжденъ, что старые люди знаютъ всякое дѣло лучше молодыхъ.

У брата въ саду были два или три фруктовыхъ дерева, за которыми онъ ухаживалъ съ особенной любовью и отъ которыхъ осенью ждалъ плодовъ. Онъ даже книжку выписалъ по плодоводству. Въ одно прекрасное утро, когда еще всѣ спали, отецъ взялъ ножницы и обрѣзалъ деревца по своему.

— Такъ лучше будетъ..

Увидѣвъ изуродованными своихъ любимцевъ, братъ сильно огорчился, но отецъ взялъ смиреніемъ:

— Я больше не буду, Антоша.. Все-таки оно лучше, когда деревья обрѣзаны.. Красивѣе..

Случались и комичныя мелочи. Посылаетъ, напримѣръ, Антонъ Павловичъ работника Романа куда-нибудь очень спѣшно по хозяйству. Романъ спѣшитъ со всѣхъ ногъ. Встрѣчается по дороге отецъ.

— Куда идешь?

— По такому-то дѣлу Ан. П. приказали какъ можно скорѣе.

— Успѣешь. Собери воть щепочки и соръ съ дорожки.

— Приказано скорѣе, бѣгомъ..

— Дѣлай, чтѣ тебѣ велѣтъ старшій..

Отецъ прошелъ тяжелую жизненную школу. Съ дѣтства его отдали въ мальчишья-лавочки и колотили нещадно. Сдѣлавшись самостоятельнымъ купцомъ, онъ, въ свою очередь, кормилъ зуботычинками и подзатыльниками своихъ мальчишья-лавочниковъ и приказчиковъ. За одну зуботычину сподобился даже побывать и у мирового. Поселившись у сына въ Мелиховѣ и оказавшись не у дѣла, онъ никакъ не могъ разстаться со своей старой привычкой, какъ съ атрибутомъ власти, и не разъ утешалъ подзатыльниками двухъ прислугъ-дѣвочекъ Машу и Анюту. Брата это страшно возмущало, но отецъ всякій разъ прибѣгалъ къ своей покаянной фразѣ:

— Прости, Антоша, больше не буду.. А если ихъ не учить, то никакого повиновенія не будетъ.

Братъ, всегда сдержанный и въ высшей степени деликатный, никогда не возвышалъ голоса, и сдѣлать кому-либо даже легкое замѣчаніе было для него очень тяжело. Послѣ смиренной фразы отца братъ обыкновенно умолкалъ.

— Вотъ этакъ воть обезоружить, — сказалъ мнѣ однажды братъ; — а тамъ, глядишь, опять..

Смѣшно однакоже во всемъ этомъ было гораздо больше, нежели грустнаго, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣня старика мѣнялись въ зависимости отъ состоянія желудка. Сидитъ, бывало, за обѣдомъ или за ужиномъ, пьетъ изъ своего графинчика загадочный травникъ, кушаетъ съ аппетитомъ и много и начинаеть искренно восхвалять жизнь въ деревнѣ:

— Нѣтъ ничего лучше деревни! Пріѣзжайте, господа гости, къ намъ почаще въ деревню!

Нерѣдко случалось ему съѣдать лишній кусокъ и отъ этого страдать. Тогда онъ, забывъ только-что пропѣтые хвалебныя гимны и держась руками за животъ, сердито вскрикивалъ:

— Ну ее къ чорту, эту деревню! И кто ее выдумалъ?! Въ городѣ лучше..

Однажды, недовольный порядками въ Мелиховѣ, онъ разсердился на деревню и демонстративно уѣхалъ въ Москву. Но тамъ, вѣроятно, онъ не встрѣтилъ того гостеприимства, на которое рассчитывалъ. Черезъ два дня онъ вернулся въ Мелихово и прошелъ въ свою комнату такую виноватую походкою, что братъ не могъ не улыбнуться. За обѣдомъ онъ находилъ въ Москвѣ одни только непорядки и недостатки.. Два или три старикъ просидѣлъ у себя въ комнатѣ за чтеніемъ церковной литературы, но вскорѣ опять кто-то изъ прислуги пожаловался на полученную „штукушку“.

Благодаря почти постоянному присутствію гостей и наѣздамъ насъ, братьевъ, водка покупалась въ Лопаснѣ четвертями, и это, конечно, было извѣстно и въ Лопаснѣ и въ деревнѣ Мелиховѣ, среди мужиковъ, которые, какъ извѣстно, отлично знаютъ, какъ жить „господа“. По этому поводу А. П. съ добродушнымъ смѣхомъ рассказалъ мнѣ такой анекдотъ:

— Отецъ пьетъ меньше всѣхъ насъ: какихъ-нибудь три рюмки — и шабашъ: мы, молодежь, выпиваемъ много больше его. А знаешь, какая про него слава идетъ въ деревнѣ? Мужики говорятъ, что четвертями покупаются для него, что онъ напьется и пойдетъ драться.. По мнѣнію мужиковъ, только одинъ отецъ нашъ и пьетъ, а мы — внѣ подозрѣній.. Вотъ чтѣ значить подзатыльники.

Однажды на мое письмо изъ Петербурга съ запросомъ, какъ поживаютъ отецъ и мать, Антонъ отвѣтилъ мнѣ:

— Мать все бѣгаетъ и смотритъ на часы, а папаша объявилъ, что ему надо заниматься богомысліемъ. Сидитъ въ своей комнатѣ и занимается..

Нужно объяснить, чтѣ означаетъ упоминаніе о часахъ. Братъ, какъ медикъ, завелъ въ деревнѣ правильную, размѣренную жизнь. Обѣдали въ двѣнадцать. Большіе круглыя часы висѣли въ столовой надъ дверью. Братъ, работая у себя въ кабинетѣ, нерѣдко выходилъ въ столовую посмотреть, который часъ. Заботливая мать принимала это за молчаливыя намеки на то, чтобы обѣдъ былъ готовъ во время, и волновалась.

— Антоша, уже два раза выходилъ смотрѣть на часы, а у кухарки обѣдъ еще не готовъ, — заботилась она. — Ну, какъ она опоздаеть?..

И мать тревожно смотрѣла на часы. И чѣмъ ближе стрѣлка подходила къ 12, тѣмъ она дѣлалась озобоченнѣе и бормотала:

— Горькое мое произволеніе!

И съ этими словами сама бѣжала въ кухню, хотя въ этомъ не было ни малѣйшей надобности, и братъ никогда не настаивалъ на пунктуальности.

Къ вечеру въ тотъ день, какъ я пріѣхалъ, судьба принесла еще гостью — добрую знакомую сестры и Антона. Ей были очень рады, но для матери опять поднялся горестный вопросъ:

— Гдѣ я ее положу? Гдѣ я возьму подушку и одѣяло?..

Впослѣдствіи Антонъ выстроилъ специально для гостей въ саду флигель и поставилъ тамъ три или четыре кровати съ бѣльемъ, съ подушками и одѣялами. Нѣкоторые изъ биографовъ покойнаго писателя (а ихъ за послѣднее время развилось очень много) утверждаютъ со смѣлостью, достойной лучшаго приложенія, будто бы въ этомъ флигелѣ Антонъ написалъ свою „Чайку“. Это вздоръ. Флигель былъ специально предназначенъ для ночлега гостей, и братъ не написалъ въ немъ ни одной строчки. Впрочемъ, дилеганты-биографы наговорили въ своихъ печатныхъ произведеніяхъ не мало чепухи о братѣ. Наговорили и такихъ вещей, какихъ никогда и не было *).

Ужинъ въ присутствіи гостей и двухъ гостей прошелъ очень весело, несмотря на то, что оба москвича говорили одиѣ только неинтересныя банальности и усердно налегали на водку и на свѣжій редисъ прямо съ гряды. Гости и сестра весело и остроумно щebetали, и отецъ изрѣдка вставлялъ свое словцо. Сѣли за столъ, по обыкновенію, въ восемь часовъ и кончили ѣсть въ девять. Братъ изъ вѣжливости протянулъ съ гостями до десяти и, распрощавшись, ушелъ къ себѣ спать. Долѣе этого времени въ Мелиховѣ онъ очень рѣдко заснивался. Гостью сестра увела къ себѣ, а гостямъ-мужчинамъ были постланы постели въ залѣ.

— Какъ вы рано ложитесь, — недовольнымъ голосомъ проговорилъ москвичъ. — Мы привыкли отходить ко сну не ранѣе двухъ-трехъ часовъ ночи. Куда мы теперь время дѣнемъ?

— У насъ, въ деревнѣ, рано ложатся, — отвѣтила мать.

— Велите, по крайней мѣрѣ, Евгения Яковлева, подать намъ бутылочки двѣ краснаго вина. Авось за виномъ какъ-нибудь скуку ночи скоротаемъ..

Въ винѣ имъ было отказано, потому что его и въ самомъ дѣлѣ не было дома. Москвичи съ неудовольствіемъ пожали плечами, какъ будто бы хотѣли сказать: „Попали же мы въ берлогу! А еще называется писателемъ!“ — и ушли. Не знаю, хорошо ли имъ спалось, но мать не сомкнула глазъ почти всю ночь. Прислушиваясь къ говору полуночниковъ, она ворочалась съ боку на бокъ и въ страхѣ шептала:

— Не надѣлали бы они тамъ, не дай Господи, пожара.. Чтѣ съ нихъ возьмешь?

Меня положили спать въ „Пушкинской“; это была проходная комната, въ которой надъ диваномъ висѣлъ портретъ Пушкина. Москвичи проспали до одиннадцати и вышли въ столовую з. спяныя, надутые и недовольные. Столъ уже былъ накрытъ къ обѣду, и мать по своему обыкновенію тревожно поглядывала на часы. Отъ чая гости отказались и изъявили желаніе, въ ожиданіи фундаментальной ѣды, прямо приступить къ водкѣ „начерно“. Вышелъ братъ, какъ и всегда, привѣтливый, но за обѣдомъ ему пришлось выслушать нѣсколько колкостей въ инсказательной и замаскированной формѣ. Москвичи, налегая на очищенную, завели рѣчь о какомъ-то знакомомъ интеллигентѣ, который забился въ медвѣжій уголь, одичалъ, обросъ волосами и настолько раззнакомился съ цивилизаціей, что забылъ даже о существованіи краснаго вина.. Послѣ обѣда они потребовали лошадей. Братъ распорядился, чтобы работникъ Романъ отвезъ ихъ на станцію, — и они уѣхали, простившись очень сухо.

* Въ недавно вышедшей книгѣ „О Чеховѣ“, не знаю, кѣмъ изданной, помѣщена иллюстрація съ подписью: „Первый гонимый“, очевидно, полученный Антономъ Чеховымъ, который съ вожделѣніемъ смотрѣлъ на 25-рублевую. Между тѣмъ на этой карточкѣ изображены: а, Александръ Чеховъ, и мой товарищъ по университету — И. В. Третьяковъ, а Антоша нѣтъ вовсе. Такъ пишется дилетантами биографіи.

А. П. Чеховъ.

Домъ въ Мелковѣ. На ступенькахъ сидитъ отецъ Антона Павловича, Павелъ Егоровичъ.

Флигель для ночевки гостей, построенный Антономъ Павловичемъ въ саду.

Работа въ саду у дуба „Мамарійскаго“. На переднемъ планѣ стоитъ Антонъ Павловичъ.

Прудъ у дома, гдѣ Антонъ Павловичъ ловилъ карасей величиною въ пятакъ.

— Кто эти два господина, Антоша? — спросила мать после того, как тетка вышла из ворот. — Какие-то они странные: того подай, этого подай, точно во тракторы... Из-за них я всю ночь не спала: боялась пожара... Невъжи какие-то... Кто они?

— Я и сама не знаю, мамаша, кто они такие, — ответил брат. — Я даже не помню, где я с ними встречался. Может-быть, даже и никогда не встречался.

Вскоре после обеда небо как-то вдруг, по-летнему, заволокло тучами, и пошел дождик. Антош Павлович с облегчением вздохнул и сказал:

— Слава Богу, наконец-то!

— Радуетесь тому, что твои хлеба и травы поправятся? — спросил я.

— Это само по себе. А я радуюсь несчастью потому, что нельзя выходить из дома, и поневоле больше вынешешь. А то так и тянет в сад и в огород, а писанье стоит. Хорошая погода меня обкрадывает.

Под звуки дождя, забарабанившего в окна, брат ушел в кабинет и засел за работу, мать прилегла отдохнуть после бессонной ночи, отец занялся богосмыслием, а сестра увела гостью в свою комнату. В дом вдарилась невозмутжимая тишина — не та, которую мы испытываем в городе, а какая-то особенная, приятная, деревенская, среди которой хорошо работает и еще лучше думается... Под впечатлением этой тишины я впервые позавидовал брату и дал себе слово пойти и тоже приобрести со временем небольшой клочок земли... И мне кажется, что на моем месте каждый окупит бы подобное желание. Впрочем, мне не раз приходилось видеть и слышать, как литераторы, приехав к брату и рассмотревшие на его житье-бытье, искренно вздыхали и говорили:

— Найдите-ка и мне, Антош Павлович, где-нибудь по соседству, поближе к вам, кусочек земли.

Часа через полтора вернувшись со станции весь мокрый Роман, но вернувшись не один. Он привез с собою со станции еще более мокрого нового гостя — московского корреспондента одной из петербургских газет.

— Фу, ты, Господи! — проговорил отец, узнав о его приезде. — Придет беда, отворит ворота!

Мать и сестра захлопотали. Брат был принужден отложить работу в сторону и заняться с гостем у себя в кабинете. Радовался ли брат его приезду — я не знаю, но я подметил несколько скорбных взглядов на отодвинутую на отдаленный конец стола рукопись.

— Чем это вы, Антош Павлович, обидли гг. X и XX? — спросил, между прочим, новый гость. — Я их встретил на станции.

— Ничьим не обижал, — ответил брат. — А что?

— Ругаются на чем светить стоят и кланяются, что больше их нога у вас не будет. Пьют коньяк и ругаются.

— Фатужи! — сказал брат, с улыбкою пожимая плечами. — Кетяти. Кто они такие?

— Разве вы их не знаете? Один пописывает изредка длинные стишонки в маленьком юмористическом журнальчике, а другому второй год возвращаются из вещей редакций его рассказы. И оба мнят себя литераторами. Неужели вы их не знали?

Корреспондент петербургской газеты оказался догадливым и деликатным своих предшественником и, поговорив немало с братом, вышел в залу, где его заняли мать, сестра, гостя и отчасти я. Нового и интересного он не привез с собою ничего и откровенно сознался, между прочим, что в Москве душно, и что он приехал к Антону Павловичу подышать чистым воздухом и послушать соловья. Надо успеть насладиться ведем сегодня же, потому что ему завтра непременно надо быть в Москве. Все вздохнули свободно при этом признании.

Часам к четырем дождь перестал, небо прояснилось, и наступила чудная погода. Все, в том числе и корреспондент, пошли погулять. Какими-то судьбами присоединился к нам и брат. Во время этой прогулки произошла сцена из мира животных, которую брат во шутку называл: „Монтекии и Капулетти“. Усадьба брата примыкала вплотную к усадьбе некоего г. Вареникова и в одном месте отделялась от нея только одним тыном из стоячих жердей. У брата, как я уже заметил раньше, было три дворовых собаки, и у г. Вареникова, кажется, было столько же. Все шестеро псов жили между собою дружно и вместе, стаей бегали по полям и по дорогам; но каждая знала свой двор. Когда мы всей компанией вышли гулять, наши собаки погнались за нами. Когда же подошли к тыну, то произошло нечто неожиданное. Собаки г. Вареникова с одной стороны тына и наши с другой подняли между собою такую ожесточенную грызню, что, казалось, не будь между ними перегородки, они растерзали бы друг друга в клочки. Когда компания прошла мимо, грызня прекратилась.

— Удивительна собака логика, — сказал брат: — так псы живут между собою в добрососедских отношениях и мирно можно помахивать хвостами: но стоит только показаться у плетня мне или моему соседу, как они начинают войну. Что они этим хотят показать?

За ужином произошел инцидент, несколько встревоживший брата, как медика. Благодаря усердию двух москвичей, не хватало водки. Заметили это поздно, когда Роман уже уехал на станцию. И не хватало именно отцу. Но отец не сму-

тился. Он потребовал себе древесного спирта, на котором мать варила кофе, налил в свой графинчик с травами, разбавил водою и шил вместе водки, находя, что это — очень хорошо. Боялись, как бы с ним не случилось чего, но все обошлось благополучно.

На следующее утро гостя, корреспондент и я уехали. Я, как истый петербуржец, уехал оcharованный сельской жизнью и не без зависти в душу. Письма брата ко мне носили все тот же веселый и жизнерадостный колорит, но в них нередко попадались и фразы в роду: „Если бы не частые наезды гостей — совсем бы было хорошо“.

Съездив я в Мелихово зимой (1891—1892 г.) и тоже застал гостей. Все было по-старому, по толго брат, как я заметил, начал покашливать. Впрочем, он объяснил этот кашель бронхитом. Кроме того, в его кабинет произошла перемьна: книги с полок исчезли. Они были отправлены в Таганрог, в городскую библиотеку, которая впоследствии была названа Чеховской. Зато мать и сестра за обдами и за ужинами хвастали предметными шутками, маринадами и соленьями — все с собственного огорода. Радуние было прежнее.

В мае (если не ошибаюсь) следующего года я опять побывал у брата. В это время у него уже были выстроены флигелец для гостей и баня, и, кроме того, он выписал на деревенскую церковь зеркаланые креслы. Еще издали производившие эффект при извешном освещении. Вообще он обнаруживал усиленную деятельность в своих владениях, как врач-бесребренник и как писатель. Несмотря на то, что гости буквально одолаивали его и отнимали дорогое время, которое, как я узнал случайно, он завертывал в ущерб своему здоровью. Беседуя с ним, однажды въ его спаленку, я полюбопытствовал узнать, зачем у него перед кроватью стоит такой огромный стол вместе маленького ночного.

— Пишу иногда по ночам, — сознался он неохотно.

Покашливал он уже чаще и сильнее.

— Ты бы попробовал побздить на велосипед, — посоветовал я. — Я на велосипед всегда дышу глубже.

— Нет, — сказал он с отрывком грусти: — велосипед мне не поможеть. Я теперь, как только шесть часов, так и должен уходить из сада в конюшню.

— Как ты определяешь свою болзнь? — спросил я. — Какой ты поставил аутодиагноз?

— Catarrh pulmonum, — ответил он мне по-латыни.

В этот приезд я прожил у брата несколько дней, и поговорили мы досыта. Он попрежнему был деликатен, сдержан и как-то особенно проток. Смьялся он уже значительно реже и ко всему стал относиться как-то равнодушнее, но не жаловался ни на что, а от того, что было ему неприятно, он уходил без борьбы.

Отец вздумал по какому-то поводу отслужить у дома, на открытом воздухе, молебн и для этого устроить большую площадку песком, поставить столы и на них расположить несколько икон. Кроме того, из церкви духовенство должно принести еще икон. Все же домашним и прислуге приказано было явиться к молебну. Брат, искренно любивший неприкрашенную природу, терпеть не мог разных парадностей и торжественностей в роду поспания песком.

Точно губернского приезда жуть, — говорил он с неудовольствием. — Къ чему этот маскарад? Вудь самим собою.

Он ушел в деревню к какому-то больному, а я и двое гостей франшировали. Обед запоздал, потому что кухарка была отлучена от своего прямого дла. Мать волновалась и чаще, чем всегда, поглядывала на часы.

— Что же ты, Антоша, и вы, господа гости, не приходили молиться? — начал было с торжественно-благочестивым лицом отец, но, встретив утомленный взгляд брата, сразу умолк и почувствовал некоторую неловкость.

Он понял, что брат уходит из дома и устал по его милости, чтобы избзжать этой парадности и этого молебна, в служении которого было больше тщеславия, нежели искренности: вот, мол, как мы! Не в церкви, а дома служим, и даже для нас из церкви еода иконы приносятся... Надо, чтобы нас уважали...

Послѣ обеда брату доложили, что пришел за помощью какой-то приказчик с сильно порванной рукой. Мы с братом вышли к нему. Из обвязанной тряпкою кисти руки капала часто и обильно кровь. Брат потребовал льду, болѣе получаса провозился с раненым, остановил кровотечение и посоветовал приказнику отправиться къ доктору въ больницу, гдѣ есть все приспособленія для леченія.

— Досвидания-сь, — сказал приказчик, надѣть картуз и ушел.

— Заметить? Даже и спасибо не сказали, — обратился ко мне брат: — точно я обязан был вознѣсь с ним! Мужикъ всегда скажетъ спасибо, а вотъ этиакіе гуси въ сапогахъ бутылками и въ щегольскихъ картузахъ — никогда. Страшно невѣжественный и грубый народъ. Я думѣть: какъ отбился отъ мужика, такъ и стать такимъ. Много мне ихъ приходилось наблюдать.

За ужиномъ были гости, и между ними, сколько мнѣ помнится, двѣ дамы. По обыкновенію, было весело. Но послѣ ужина произошло неожиданное и очень печальное происшествіе.

Расошились въ десять часовъ. Вечеръ былъ дивный. Я жилъ въ

флигелькѣ и, распрощавшись, ушелъ къ себѣ съ твердымъ намереніемъ лечь сейчасъ же на боковую. Но тутъ запылъ соловей такъ близко, такъ громко и такъ дивно, что я невольно просидѣлъ у окна цѣлый часъ. Кругомъ было тихо. Вдругъ недалеко отъ сада раздались тревожные голоса, и во дворѣ брата зазвонили въ колоколь, гнававшей рабочихъ. Зававѣска, которой было задержано мое окно, вдругъ стала розово-красной. Я выскочилъ въ садъ и осмотрѣлся. На крестьянской избушкѣ, ближайшей къ усадьбѣ, горѣла соломенная крыша. Въ одинъ мигъ я оказался подлѣ загоравшей избы въ качествѣ зрителя, но какая-то баба со стеномъ бѣгала около крылечка и причитала:

— Старикъ тамъ! Старикъ тамъ!..

Я вбѣжалъ въ избу (опасности пока еще не было) и не безъ труда вытолкалъ оттуда пьянаго и почти обалдѣлаго и ничего не понимавшаго старика-крестьянина. Сбѣжался народъ, притащили откуда-то плохонькую машинку, прибѣжали ухарски-пьяный паренѣ, схватили книгу и стали заливать. Часа полтора тушили, онъ и выгосалъ почти всю лужу, игравшую роль пруда, но изба все-таки сгорѣла почти до основанія. На этомъ пожарѣ были и гости и братья, которому нельзя было выходить на воздухъ послѣ шести часовъ. На этотъ разъ онъ сдѣлать исключеніе. Удивительная была обстановка: трещитъ пылающая изба, къ небу выются багровые клубы дыма, кричатъ и галдятъ народъ — и въ двухъ шагахъ во всю мочь заливаются соловей!..

Но еще удивительнѣе была причина пожара. Старики-хозяинъ избы (котораго я вытолкалъ) шилъ вмѣстѣ съ какимъ-то своимъ пріятелемъ въ избѣ, и оба дожились до помраченія.

— Давай подождемъ избу, — предложилъ хозяинъ.

— Давай, — согласился пріятель.

— Поглядимъ, какъ она горѣть будетъ... Старуха, выноси на улицу сундуки!

Старуха вынесла имущество, старики подставилъ изнутри лѣтницу, взобрался по ней и подожгъ спичкою солому, а самъ сѣлъ на лавку. Пріятель, увидѣвъ, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, ударъ.

На слѣдующее утро мать сказала мнѣ:

— Сходи, Саша, на новый прудъ и налови отцу карасей на обѣдъ. Сегодня среда.

Я съ охотою пошелъ. Это былъ большой прудъ, выкопанный братомъ недалеко отъ усадьбы. Вокругъ него было посажено свыше двухсотъ молодыхъ деревьевъ, обѣщавшихъ со временемъ густую тѣнь. Братъ напустилъ туда на племя крупныхъ карасей. Когда я закинулъ удочки, мимо меня сотскѣи и какое-то другое деревенское начальство провели виновника вчерашняго пожара. Вели его къ станому, какъ поджигателя. Увидѣвъ меня, онъ остановился и попросилъ милостыню...

Черезъ полгода меня въ Петербургѣ пригласили въ камеру судебного слѣдователя для дачи показаній о личности поджигателя. Я пострадала особенно отъ гнѣва его невѣроятное, обалдѣлое состояніе. Цѣлый годъ почти я въ перешкѣ запрашивалъ, между прочимъ, брата и о судьбѣ старика и получаю одинъ и тотъ же законическій отвѣтъ: "сидитъ."

Мнѣ пришлось послѣ этого еще разъ побывать въ Мелиховѣ. Оно было въ удивительно цвѣтущемъ состояніи. Все посажено въ прошлые годы разрослось; появились новыя насажденія; огородъ былъ разработанъ на славу. Глядишь на все, и у тебя, что называется, слюнки текутъ. Въ домѣ обстановка та же: тѣ же

часы въ столовой, тотъ же портретъ Пушкина, тѣ же неизмѣнные прошенные и непронятные гости за столомъ, тотъ же графинчикъ съ загадочными травами передъ приборомъ отца, то же радушіе и гостеприимство, но только братья какъ будто уже не тотъ. Онѣ похудѣли, слегка какъ-будто сгорблили, и жира въ подковожной клябчачкѣ стало какъ-будто меньше. Но онѣ были попрежнему ласковы со всѣми и разговорчивы. За обѣдомъ онѣ рассказали, между прочимъ, какъ простой народъ понимаетъ его произведенія.

Пришелъ къ нему какъ-то работникъ Романъ и попросилъ почитать чего-нибудь отъ скуки. Братъ далъ одно изъ своихъ произведеній, съ которымъ героиня-крестьянка преступаетъ крестьянскую мораль, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ къ себѣ въ читателѣ искреннюю симпатію и сожалѣніе. Того же авторъ ожидать и отъ Романа и его аудиторіи. Но Романъ далъ категорическій отвѣтъ:

— Ишь, подлая!..

Всѣ сдѣвшіе за столомъ весело засмѣялись. Одна только мать чуть-чуть улыбнулась. Послѣ обѣда, когда я вошелъ къ ней въ ея комнату, она грустно сказала:

— Антоша бѣдный что-то покашливается!..

Сердце матери чуяло надвигающуюся бѣду!..

На слѣдующій день около полудня мы съ братомъ остались наединѣ и сѣли въ садъ на скамеечку. Братъ поевживался, грѣлся на солнышкѣ и какъ-то скорбно смотрѣлъ на окружающее.

— Не хочется что-то ни сѣять ни садить, и въ будущемъ впереди заглядывать не хочется, заговорилъ онъ.

— Полно, пустяки. Это — мерлихлюндія, — утѣшилъ я, сознавая, что говорю банальность.

— Вотъ чтѣ, — проговорилъ онъ твердо, обернувшись ко мнѣ лицомъ. — Послѣ моей смерти сестрѣ и матери я оставляю то-то и то-то, на нужды образованія то-то...

Онъ перечислилъ свое словесное духовное завѣщаніе и закончилъ словами:

— Такъ помни же. Ты — старшій братъ!..

Тяжело мнѣ было слушать это. Кругомъ все цвѣло, радовалось, жило и благоухало, а тутъ врачъ, ясно сознающій свой недугъ, — врачъ, котораго не обманешь никакими софизмами, — читаетъ себѣ отходную!.. Не дай Богъ никому переживать такіе моменты!..

Это былъ мой послѣдній визитъ въ Мелихово. Скоро оно было продано, со всею тою любовью, которую питалъ къ этому уголку братъ, и со всѣмъ тѣмъ, что было въ него вложено, чтобы сдѣлать его цвѣтущимъ кусочкомъ земли.

Съ Мелиховымъ связано, между прочимъ, и большое семейное горе. Братъ уѣхалъ куда-то. Хозяиничалъ отецъ, и хозяйничалъ, что называется, во всю, дѣлая по большей части то, чего не нужно было дѣлать. Привезли какъ-то изъ Лопасинъ провизію. Отецъ, всю жизнь страдавшій гриппею, поднять пакетъ съ полу-пудомъ сахара и вызвалъ этимъ ущемленіе гриппа. Его съ трудомъ доставили въ Москву и помѣстили въ клинику, гдѣ хирургическимъ путемъ была удалена омертвѣвшая часть кишки. Операцию почему-то пришлось повторить, но онъ не вынесъ ея и умеръ на операционномъ столѣ.

Между тѣмъ, здоровье потребовало переѣзда брата въ Ялту. Но и оттуда онъ писалъ мнѣ: "Ялта скучна". И недурно, потому что тамъ ничто не напоминало Мелихова, развѣ только одинъ гости, число которыхъ здѣсь увеличилось вдвое, если не втрое.